

PRO MEMORIA

Д. М. Климова

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ БУХШТАБ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Борис Яковлевич Бухштаб скончался в сентябре 1985 года на семьдесят первом году жизни. В некрологе «Литературной газеты» от 9 октября 1985 года справедливо отмечены его высокие научные заслуги:

«Его талантливой руке истинного просветителя принадлежат не только капитальные труды о творчестве, жизни и деятельности великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Салтыкова-Щедрина, Лескова, но и фундаментальные учебники по библиографии, по которым училось и продолжает учиться не одно поколение... Его кропотливый труд нашел воплощение в прекрасно подготовленных, великолепно оснащенных собраниях сочинений русских классиков в серии „Библиотеки поэта“ <...>. Где бы он ни работал, за что бы ни брался, — каждое дело доводил до конца, одухотворяя его, вкладывая в него весь жар своей души и сердца настоящего ученого, педагога, литератора».

Под этой характеристикой могла бы подписаться и я, так как мне посчастливилось знать Бориса Яковлевича и лично, и по его трудам, и по нашей совместной работе.

Впервые мы встретились в конце 1950-х годов, когда Бухштаб продолжал свои изыскания о творчестве авторов Козьмы Пруtkова, начатые еще в 1945 году. Было ему немного за пятьдесят, возраст творческого расцвета, но мне, только что покинувшей студенческую скамью, казался он человеком весьма пожилым, да и к тому же немного нудным. Регулярно ранним утром он появлялся в дверях Рукописного отдела Пушкинского Дома и корректно, но настойчиво напоминал о необходи-

мости немедленно разыскать затерявшуюся папку с нужными ему материалами. Злополучная папка в конце концов обнаружилась (в Рукописном отделе Пушкинского Дома ничего не пропадает), а спустя некоторое время мы с Борисом Яковлевичем познакомились ближе через его жену Галину Григорьевну Шаповалову, многолетнюю заслуженную сотрудницу фольклорного сектора. Время от времени встречались на концертах в Филармонии, потом стали общаться домами. Тогда же я стала заинтересованной и взволнованной свидетельницей битвы на филфаке ЛГУ, где Бухштаб отважно и успешно отражал атаки сплоченной группы неофициальных оппонентов, пытавшихся дискредитировать положения его докторской диссертации.

На первой из подаренных мне книг — о сказках Салтыкова-Щедрина — Бухштаб так отметил мое участие в научном издании этого писателя:

«Милому кадру щедриноведческой смены Дине Михайловне Климовой с большой симпатией. Автор. Янв. 1966 г.».

Особенно сблизились мы семьями, когда Бухштабы поселились неподалеку от нас в «академической слободке» на Выборгской стороне близ Поклонной горы, оставив старую родительскую квартиру (отец и мать его были врачами) на Петроградской стороне в пятиэтажном доме на углу Большого проспекта и Гатчинской улицы. Надписи на подаренных книгах продолжались: «Русские поэты» (1970) — «Дорогой Диночке с лучшими пожеланиями к Новому году. Б. Бухштаб. 22. XII. 70»; «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества» (1974) — «Дорогой Диночке с сердечным приветом. Автор. 4. XII. 74»; «Литературоведческие исследования» (1982), раскрывающие перед читателем пути увлекательного научного поиска, адресованы уже не только мне, но и моему мужу, доценту филологического факультета ЛГУ А. И. Корневу, прекрасно вписавшемуся в умные и веселые шаповаловско-бухштабовские званные вечера: «Дорогим Дине и Саше дружески. Автор. 25. IX. 82».

Приемы в их хорошо обустроенной и уютной, типично петербургско-ленинградской квартире были поистине незабываемы. Первыми гостей встречали породистый высокомерный кот и две дружелюбные невзрачные дворняжки, подобранные на улице, но носившие пышные имена Джульетта и Леди. Как принято у собак, они платили своим спасителям беззаветной преданностью и, в свою очередь, помогали Борису Яковлевичу справляться с сердечным недугом: врачи прописали ему регулярные прогулки с собаками на свежем воздухе. А за круглым столом под большим абажуром рассаживались друзья, однокашники, коллеги хозяев. Моложавый элегантный В. Н. Орлов, знаток творчества

Б. Я. Бухштаб
Ленинград, 1950-е гг. (?)

Блока и автор многих работ по истории русской литературы XIX века; фольклорист К. В. Чистов; специалист по творчеству поэтов-шестидесятников XIX века И. Г. Ямпольский, едкий критик малейших оплошностей в печатной продукции равно своих друзей и недругов; Г. А. Бялый, знаменитый, помимо научных трудов, как блестящий лектор и рассказчик. Иногда на высокий пятый этаж дома «сталинской» постройки с трудом доставляли грузную фигуру Л. Я. Гинзбург, известной не только блестящими научными трудами, но и кладезем памяти, так как всю жизнь она бесстрашно вела небезопасные в советское время дневники, теперь частично опубликованные. Это были люди, которые когда-то вели увлекательные беседы с Маяковским, Кавериним, Тьяновым, Ахматовой, Мандельштамом, и равновеликие этим и другим выдающимся именам. Рядом с ветеранами сживали и наши сверстники, и более молодые люди. Здесь бывали начинающий тогда поэт и переводчик М. Д. Яснов; уже прочно занявший высокое место в поэтической иерархии А. С. Кушнер; К. М. Азадовский, недавно освободившийся из мест, весьма отдаленных и уже ошеломивший литературную среду блестящей работой об отношениях Цветаевой, Рильке и Пастернака. И целая череда учеников, секретарей и помощников.

За столом с накрахмаленной скатертью царило непринужденное общение без различия возрастов и рангов. Усилиями Галины Григорьевны в те не слишком изобильные времена стол был уставлен яствами и винами, среди которых особенно конкурировали между собой две фирменные настойки с названиями «Бяловка» и «Шаповаловка», по фамилиям их изготовителей. Под Бяловку и Шаповаловку произносились изысканные тосты, звучали воспоминания, анекдоты, юмористические стихи «на случай», которыми, как водится, баловались все присутствующие от мала до велика. Старики, вспоминая минувшие дни, наперебой подсказывали друг другу гимн формалистов ОПОЯЗа (Общества изучения поэтического языка), в котором каждый куплет содержал имя их сверстника в сочетании с реминисценцией из классической литературы. Мы тут же записали один куплет (к сожалению, только один!), в котором упомянут любимый учитель моего мужа Б. А. Ларин, выдающийся лингвист-лексиколог, декан филологического факультета в годы нашего студенчества:

Среди студентов популярен,
Дев лингвистических кумир,
Смиранный грешник Боря Ларин
Под словарем вкушает мир.

Там наконец-то я разобралась в смене поколений. Оказалось, что Тынянов, Эйхенбаум, Жирмунский, Шкловский, Томашевский были учителями Бухштаба, а вовсе не его сверстниками, как я тогда думала. Борис Яковлевич учился одновременно в университете и в знаменитом в 20-х годах ГИИИ (Государственном институте истории искусств), где они читали лекции, и в свое время подвергся гонениям вместе со всеми учениками и последователями формальной школы ОПОЯЗа. Погрузившись затем в историю литературы, текстологию и библиографию, он говаривал, что никогда не разделял вполне взгляды своих наставников, но размышлений о форме русского стиха не оставил и в конце жизни написал несколько работ на эту тему.

По окончании учебы Бухштаб некоторое время преподавал в ГИИИ, затем работал в детском отделе ОГИЗа, размещавшегося в Доме книги (Зингеровском доме на Невском), и в то время написал несколько повестей для детей, занимался литературной критикой. Двадцать лет проработал библиографом в Публичной библиотеке (теперь Российская национальная библиотека) и сорок лет отдал преподаванию в Библиотечном институте (ныне Институт культуры и искусств). Многолетние занятия источниковедением, библиографией, текстологией послужили

надежным фундаментом его теоретическим исследованиям, в которых предпочтение отдано эпохе 40-х — 80-х годов XIX века. К преподаванию он снова обратился в Омском пединституте во время войны, а после прочел внештатно в Ленинградском университете несколько спецкурсов. Карьерному росту, по его словам, всегда мешала давняя причастность к кругу формалистов и пресловутый «пятый пункт».

Среди работ Бухштаба выделяется его особый интерес к творчеству Фета. Помимо нескольких монографических трудов, это — фундаментально подготовленные для «Библиотеки поэта» три издания в Малой серии (1936, 1953 и 1963) и три в Большой (1937 — первое научно подготовленное издание этого писателя, 1959 и 1986).

Последнее издание не вполне удовлетворило чаяния Бориса Яковлевича подвести итог его научным публикациям из-за жестких (чтобы не сказать жестоких) формальных ограничений объема: на примечания издательство отводило не более 20% публикуемого текста, на вступительную статью — до 2,5 авторских листов, а общий объем зависел от ширины корешка, раз и навсегда установленной типографией.

Борис Яковлевич попросил меня редактировать книгу. Это было большой честью для меня, так как к совместной работе он относился очень разборчиво и в оценках был справедлив, но строг. Своего любимого ученика Мишу Эльзона высоко оценивал как библиографа, но часто подтрунивал над его фантастическими теориями. Я подключилась к работе еще до представления рукописи в редакцию. Сроки, как водится, поджимали, и мы работали в шесть рук, вместе с Эльзоном. Рукопись была представлена частями в течение июня — июля 1985 года. В сентябре я уехала в командировку в Москву. Борис Яковлевич хворал, но собирался прийти на мой день рождения 19 сентября и тщательно выбирал подарок. Я вернулась накануне, 18-го, и узнала, что 17 сентября Бориса Яковлевича не стало. Довести книгу до выхода в свет пришлось нам с Эльзоном.

Среди неосуществленных замыслов Бухштаба осталось полное научное издание Козьмы Пруtkова с использованием неопубликованных архивных материалов, мы предполагали подготовить его в соавторстве. Я предвкушала совместную работу с радостью и некоторым трепетом, так как не во всем согласна с позициями Бухштаба, в частности по поводу участия П. П. Ершова в пьесе «Черепослов, сиречь Френолог». К сожалению, мои попытки осуществить это издание после его ухода не увенчались успехом у издателей.

Б. Я. Бухштаб был человеком незаурядным, но очень скромным. Свои заслуги в литературоведении оценивал несправедливо низко и со-

жалел, что не написал своей главной книги. Нам же остается сожалеть, что о нем самом знают и помнят так мало.

В заключение приведу два стихотворения, оставляя без комментариев эту поразительную встречу двух поэтов и ученого на неисповедимых путях литературы.

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полунощной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

А. Фет. 1857

СТОГ

Б. Я. Бухштабу

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал

А. Фет

Я к стогу сена подошел.
Он с виду ласковым казался.
Я боком встал, плечом повел,
Так он кололся и кусался.

Он горько пахнул и дышал,
Он колыхался и дымился.
Не знаю, как на нем лежал
Тяжелый Фет? Не шевелился?

Ползли какие-то жучки
По рукавам и отворотам,
И запотевшие очки
Покрылись шелковым налетом.

Я гладил пыль, ласкал труху,
Я порывался в жизнь иную,
Но Бога не было вверху,
Чтоб оправдать тщету земную.

И голый ужас, без одежд,
Сдавив, лишил меня движений.
Я падал в пропасть без надежд,
Без звезд и тайных утешений.

Ополоумев, облака
Летели, серые от страха,
Чесалась потная рука,
Блестела мокрая рубаха.

И в целом стоге, под рукой,
Хоть всей спиной к нему прижаться,
Соломки не было такой,
Чтоб, ухватившись, удержаться!

А. Кушнер. 1981.